

— О, Глория, я тоже тебя люблю, — со вздохом произнёс Азад, протянул руку и погладил её по голове. Взглянув на ссадину у неё на лбу, он смягчил тон: — Болит?

— Болит... — Глория ощутила прикосновение к макушке, увидела в отцовских глазах привычную ей прежнюю нежность, но зрение в одно мгновение затуманилось.

— О, не плачь, сейчас намажем лекарством, — утешал Азад, глядя на падающие слёзы. — И ещё: в следующий раз не дерись с сёстрами. Они не отнимут у тебя ничего твоего. Ты старшая и должна им уступать.

— Но... мы все дети. Не бывает такого, чтобы кто-то должен был уступать другому, — на душе у Глории стало неприятно, и она не удержалась.

— Кто тебя этому научил? — брови Азада нахмурились. — Это и есть причина, по которой ты их ударила?

— Нет, нет... — Глория испугалась, увидев его нахмуренные брови. — Я их не била, отец. Я люблю тебя.

— Это не повод уходить от ответственности! — Азад глубоко нахмурился, глядя на дочь. Её лицо было залито слезами, она выглядела такой жалкой, будто вся дрожала, но это её поведение вызывало у него раздражение.

Если натура испортилась, её уже ничем не исправить.

— О, дорогой, не сердись. Возможно, кто-то без моего ведома подговорил её сказать эти слова, — Грейс вовремя положила руку на плечо Азада. — Глория ещё мала. Может, кто-то не хочет видеть нашу семью дружной и потому так говорит.

— Разберись со всей прислугой в доме. Я не желаю больше слышать таких слов, — Азад всё же проявил к ней уважение, лишь сдержанно сел обратно и холодно взглянул на дочь, неподвижно застывшую на месте. Он не понимал, почему она стала такой.

Раньше она была послушной и смыслёной, лицо её всегда светилось улыбкой, а теперь она вечно выглядела мрачной и замкнутой, с ней невозможно было поговорить.

— Хорошо, я как следует её наставлю, — Грейс взглянула на застывшую девочку, а про себя принялась обдумывать домашнюю прислугу.

Это место было для неё новым. Хотя она уже заменила часть слуг, всё же наверняка остались те, кто был предан прежней женщине, той, что умерла. Иначе Глория сама ни за что не сказала бы такого — она не настолько сообразительна, чтобы до этого додуматься. Это едва не застало Грейс врасплох.

Но чтобы такого больше не повторилось, нужно как можно скорее уволить всех тех и заменить их новыми, своими людьми.

— Спасибо за труды. Если сегодняшнее повторится, можешь её наказывать, — нахмурившись, сказал Азад.

От его слов Глория в смятении подняла голову. Даже Грейс на мгновение удивилась, но быстро привела лицо в порядок и произнесла:

— Наставлять — это следует, а наказывать — всё же не стоит. Я лишь хочу, чтобы она выросла достойной девушкой.

— Ты поистине добрая и мягкая мать, — не удержался от похвалы Азад. Обратившись же к непослушной дочери, он прямо сказал: — Слышала, Глория? Слушайся мать как следует.

Его лицо было холодным и исполненным отвращения, словно она была ему не дочерью, а чем-то досаждающим. Глория остолбенело смотрела на него, и сердце её будто упало на самое дно. От этого глаза защипало, на миг она словно перестала видеть — только улыбку мачехи.

— Не плачь. Я ведь ничего не сказал, а ты только и умеешь, что лить слёзы?! — с раздражением глядя на падающие капли, произнёс Азад. — Сама натворила дел и знай себе плачешь. Разве слёзы решают проблемы?!

От его голоса обе дочери Грейс вздрогнули, а Глория и вовсе затрепетала всем телом, дыхание её судорожно сбивалось, но слёзы она не могла сдержать, как ни старалась.

Зрение её то затуманивалось, то вновь прояснялось, и она видела отвращение в отцовском взгляде. И хотя казалось, что она вот-вот потеряет сознание от плача, она не видела в его глазах ни любви, ни жалости.

Она бесконечно тосковала по матери. То чувство, когда сердце болит так, что хочется умереть, будто в одно мгновение вновь овладело всем её существом. Она хотела встретить трудности лицом к лицу, но ей было слишком тяжело. Почему другие такие стойкие, а она не может продержаться хотя бы немного?

Но она не могла умереть, потому что самоубийцы не попадают в рай, и тогда она никогда не увидит свою мать!

— О, не плачь, Глория, — заговорила Грейс. Она мягко упрекнула мужа: — Дорогой, она всего лишь ребёнок. Ты её напугал.

— Именно так её и нужно проучить, иначе она навсегда останется такой — трусливой перед сильными и жестокой к слабым, — с досадой глядя на непрерывно плачущую дочь, сказал

Азад. — Если не хочешь есть, иди в свою комнату и не порти другим аппетит!

Глория вся дрожала. Казалось, она слышала эти жестокие слова, впивавшиеся в уши, отчего сердце сжималось.

Господин эльф говорил ей, что отец должен её любить, но он совсем её не любил!

— Ведь... — тихо всхлипывала Глория, но слова почти не выходили из-за сбившегося дыхания.

— Что? — переспросил Азад. За столом на миг воцарилась тишина.

— Ведь вы должны были... должны были с самого момента моего рождения... заботиться обо мне! — собрав все силы, вцепившись в подол платья, с трудом выговорила Глория.

Лицо её было залито слезами, она будто излагала последнюю просьбу. За столом на мгновение воцарилась тишина, но брови Азада крепко сдвинулись:

— Ты считаешь, что я о тебе не забочусь?

— О, боже, Глория, откуда у тебя такие нелепые мысли? — Грейс изумлённо прикрыла рот рукой. — Твой отец ни в чём перед тобой не виноват. Он привёл тебя в этот мир, вырастил тебя, а ты его в чём-то упрекаешь?

— Глория, я не знаю, откуда у тебя такие само собой разумеющиеся мысли, — грудь Азада вздымалась. — Ты ещё смеешь думать, что я перед тобой в долгу! Говорю тебе: в этом мире только дети в долгу перед родителями, и никогда родители перед детьми! Если не можешь избавиться от этих нелепых мыслей, можешь убраться из этого дома!

Голос его был громок, на лице отразился полный гнев. Слёзы Глории вновь потекли из глаз, но она уже не дрожала, как прежде, — они падали беззвучно, будто разрывали ей сердце, и кровь из него стекала вместе со слезами.

Всё вокруг будто перестало существовать, остался лишь пустой простор. Губы её дрожали, но она не могла вымолвить ни слова. Она не смела спросить отца, не бросил ли он её, лишь плакала и всё думала, почему сердце ещё не разорвалось от боли до смерти.

— Только и знаешь, что плакать. Разве тебе нечего сказать?! — Азад ударил по столу и в раздражении вышел. — Устал за день, а тут ещё смотреть на твои слёзы! Хочешь оставаться в этом доме — оставайся, не хочешь — убирайся!

Он оставил эти слова, но, когда они резанули по сердцу, боли уже будто не чувствовалось.

Глория опустила взгляд на свою грудь и удивилась, что ещё может двигаться.

Она изо всех сил думала о матери, изо всех сил думала о словах господина эльфа, но всё было тщетно.

Неужели её мысли нелепы? Неужели это она в долгу перед родителями? Иначе он не был бы так зол.

— Прямо какая-то высокомерная принцесса: чуть что не по ней — сразу в слёзы, — с насмешкой произнесла Ванесса.

— Вот именно. Ведь украшения и платья покупает папа, а она всё недовольна, — сказала Адела, жуя кукурузу с тарелки.

На их лицах ещё оставались следы от щипков, но они выглядели такими самодовольными, словно победительницы.

Глория чувствовала, что потерпела поражение. Даже зная их цели и их приёмы, она не могла дать отпор, ведь она в долгу перед единственным, кто мог её защитить, и не должна больше ничего у него требовать.

Глория не ответила им. Она молча слезла со стула и не помнила, как шаг за шагом дошла до комнаты, лишь увидела разгромленную комнату, вошла и закрыла дверь.

Снизу, казалось, ещё доносились голоса, но они уже не имели отношения к этой тёмной, захламлённой комнате.

...

— Я думаю, она потеряла мать, и характер у неё немного странный. Не сердись, это повредит твоему здоровью, — Грейс шла следом за мужем и терпеливо успокаивала его.

— Но я не ожидал, что она станет такой, — нахмурившись, сказал Азад. — Я тяжело тружусь, чтобы вырастить её, а она считает, что я перед ней в долгу!

— Детям всегда трудно понять тяготы родителей, — успокаивала его Грейс. — Возможно, потому что она всё время жила в очень хороших и комфортных условиях, не знала, как тяжело тебе приходится снаружи, вот и говорит такие вещи.

— Действительно, раньше я слишком её баловал. Она совсем не понимает, как трудно достаются деньги, — сдерживая дыхание, сказал Азад, находя её слова разумными. — Может, стоит дать ей это понять, чтобы она не считала всё, что получает, само собой разумеющимся.

— Я думаю, можно поручить ей часть домашней работы. Как ты на это смотришь? — с улыбкой спросила Грейс. — К тому же, освоив это, в будущем, когда выйдет замуж, она не будет суетиться и не будет знать, как прислуживать мужу.

— О, ты поистине умная и заботливая мать, — похлопал её по руке Азад. — Сделаем, как ты сказала. Так она сможет меня немного понять и не будет целыми днями учиться врать.

— Хорошо, — согласилась Грейс и с улыбкой встала. — Ты почти ничего не съел. Что нужно, я принесу.

— О, ты так внимательна. С тобой мне гораздо спокойнее, чем прежде, — на лице Азада появилась улыбка.

— Потому что я очень тебя люблю, — улыбнулась Грейс.

В комнате ярко горел свет, звучали приятные речи и смех, и никто не заметил птицу, неподвижно сидевшую на оконной раме.

...

Какой бы тёмной ни была ночь, когда проливается солнечный свет, кажется, он способен разогнать всю тьму. Даже в густых зарослях лучи пробиваются сквозь них, падают тонкими нитями, ложатся на кончики листьев и лепестки.

Сюй Юань долго ждал в тени деревьев и лишь ближе к полудню увидел девочку, которая шаг за шагом подошла к могиле. Она всё ещё была в платье, только поверх него надела серый фартук. Казалось, она выбилась из сил: просто лежала у надгробия и тихо сидела, будто не видела ни малейшей надежды на будущее. Лишь синяки и ссадины на бледном личике бросались в глаза.

— Кто тебя ударил? — раздался в зарослях мягкий голос, отчего глаза девочки слегка дрогнули, но она не заговорила.

— Болит? Ты намазала лекарством? — вновь спросил голос.

Слова были не такими уж длинными, но брови Глории слегка нахмурились, а в глазах невыносимо защипало от влаги:

— Ещё нет...

— Думаю, тебе стоит намазать лекарство. Если такую ссадину не лечить, будет очень больно, — глядя на сине-фиолетовый след на лбу, сказал Сюй Юань. — У тебя есть лекарство?

— Нет, — глаза Глории утонули в слезах. Она ведь раньше не плакала и обещала себе больше не плакать, но сейчас никак не могла сдержаться.

— Рокэ, принеси немного лекарства от ран, — сказал Сюй Юань, легко касаясь птицы на своём плече.

— Рокэ? — машинально повторила это имя Глория.

— Это один мой маленький друг, — объяснил мягкий голос, а затем спросил: — Откуда у тебя раны?

В душе Глории была нерешительность, потом она тихо сказала:

— Это Адела и Ванесса. Они ударили мою голову о стол.

Она говорила правду, но отчего-то в душе появилось странное чувство, будто она врёт. Может, господин эльф поверит её словам, а может, и нет.

— Твой отец не отругал их? — чуть понизив голос, спросил Сюй Юань.

Он хоть и слышал некоторые слова, но не все. Но даже не все — и то позволяло многое понять.

— Потому что на их лицах тоже были раны, но это не я их оставила. Я не знаю, откуда они взялись, — в голосе Глории прозвучало лёгкое волнение, в душе будто теплилась надежда.

— Но твой отец не поверил, — тихо сказал Сюй Юань.

— Да, — слёзы затуманили глаза Глории. Она сжала платье, сдерживая рыдания. — Вы поверите мне?

— Я верю тебе, — тихо сказал Сюй Юань. — Ты добрая девочка.

Пусть иногда она и кажется немного слабой, возлагает надежды на других, но — судя и по записям мировых линий, и по беседам с ней — она не была плохим ребёнком.

— Спасибо, — рыдания Глории на миг вырвались наружу, отчего ей пришлось закрыть лицо руками, но слёзы всё равно переливались через край. — Спасибо, что верите мне...

Ей было слишком тяжело. Казалось, никто ей не верит, но мама верила ей, и господин эльф тоже верит! Почему же отец не верит ей?!

— Почему отец предпочёл поверить им? — всхлипывая, спросила Глория. — Может, потому что я слишком многого требую?

— Дорогая Глория, можешь ли ты полностью пересказать мне то, что случилось вчера? — тихо спросил Сюй Юань. — Я не смог увидеть всего, что произошло вчера, и не могу дать тебе точного ответа.

Глория тихо всхлипывала. На сердце всё ещё было горько, но, кажется, уже не так больно, как вчера:

— Вы готовы меня выслушать?

— Да, я готов тебя выслушать, — сказал Сюй Юань, принимая вернувшуюся птицу, и улыбнулся. — Но прежде тебе стоит намазать лекарство.

— Что? — Глория моргнула затуманенными глазами, но в свете и тени увидела птицу, спустившуюся с небес.

Она была поистине изящна, оперение — прекрасного оттенка. Птица с шумом крыльев опустилась ей на ладонь и положила в неё маленькую деревянную коробочку, которую держала в клюве, дважды ткнула в неё острым клювом и вновь улетела в тень деревьев.

— Это и есть Рокэ? — держа коробочку и моргая, чтобы смахнуть слёзы, машинально спросила Глория.

— Да, — с улыбкой сказал мягкий голос. — Можешь снять с этой коробочки крышку и безымянным пальцем взять немного мази, намазать на раны.

Глория послушно осторожно открыла её и аккуратно намазала мазь. Почувствовав лёгкий холодок, она тихо произнесла:

— Немного холодно.

— Это действует лекарство, не бойся, — с лёгким смехом успокоил голос.

— Спасибо вам, господин эльф, — намазав, Глория осторожно закрыла коробочку. — Как мне вернуть вам её?

— Не нужно. Просто помни: мажь раз в день, и через несколько дней всё пройдёт, — мягко сказал голос.

— Спасибо вам, — Глория опустила взгляд, и в глазах вновь начала закипать горечь.

— Что же вчера произошло? — очень мягко спросил голос.

От этого Глории стало немного спокойнее, и она совсем не чувствовала нетерпения:

— Вчера, когда я вернулась в свою комнату...

Она тихо рассказывала о том, что видела, и хоть кое-что вспоминала лишь по ходу рассказа, говорила подробно.

— ...Я правда не щипала их, и те раны не я оставила, — с большой обидой сказала Глория.

— Похоже, твоя мачеха побоялась, что отец отругает её, и потому оставила эти раны своим дочерям, — тихо сказал Сюй Юань.

Глория была поражена:

— Но эти раны, судя по виду, очень болят.

Услышав её слова, Сюй Юань мягко улыбнулся глазами:

— Потому что она на самом деле очень боится, что твой отец отругает её и выгонит.

В эту эпоху положение женщин было невысоким. Они не могли владеть землёй, после замужества имущество переходило от человека к мужу, а тем, у кого собственного имущества было недостаточно, было трудно собрать приданое для дочери.

Поэтому они покорялись мужу и очень боялись, что их выгонят.

И потому при первом общении с Глорией она не стала заходить слишком далеко — границу она прощупывала и опускала шаг за шагом.

— Она тоже боится, что отец её выгонит? — с изумлением и внезапным пониманием спросила Глория.

Она вспомнила тогдашнюю сцену и будто вдруг поняла, ради чего были все действия Грейс.

— Думаю, да. Иначе она бы так не поступила, — сказал Сюй Юань.

Ради выгоды и выживания она была способна заставить дочерей отрубить себе пальцы на ногах и пятки — вероятность таких поступков была очень велика.

— Ведь можно было бы жить в мире. Зачем обязательно отвоёвывать лишнюю треть яблока? — тихо проговорила Глория, но на этот раз ответ ей не требовался — он у неё уже был.

Потому что издеваться над ней не стоило никаких затрат.

— Мне кажется, это немного скверно, — тихо сказала Глория.

— Что ты хочешь делать? — тихо спросил Сюй Юань.

— Я не знаю, — ответила Глория.

Она не могла их изменить, ведь даже если бы заговорила о мирной жизни, они, скорее всего, лишь посмеялись бы над ней. Она не могла защитить даже себя.

— А что было потом? — сменил тему Сюй Юань.

— Потом отец отругал меня, — приводя в порядок мысли, рассказывала Глория. — Потому что Адела и другие были сильно ранены, он решил, что это сделала я. И тогда я сказала, что они хотели отнять мои вещи!

Взгляд Сюй Юаня дрогнул от удивления:

— И что дальше?

— А потом мачеха будто испугалась, но быстро что-то сказала, и отец снова решил, что это я слишком беспокоюсь, — от Глории исходило глубокое уныние.

Чувство было такое, будто сколько бы она ни старалась, у неё ничего не выходило.

— И что потом? — продолжал спрашивать Сюй Юань.

На самом деле девочке изначально было трудно тягаться со взрослым.

У неё не было достаточного жизненного опыта, не было способности выжить в одиночку, а тот, кто должен был её защищать, не проявлял к ней заботы — вот почему она оставалась в полной изоляции.

— А потом я сказала... — Глория немного замялась. — Что люблю папу. Сначала он обрадовался, но всё равно велел мне уступать сёстрам. Тогда я сказала, что никто никому не должен уступать, и он сильно рассердился.

— Потому что он с этим не согласен, — с некоторой беспомощностью глядя на обиженную девочку, сказал Сюй Юань.

Он говорил те слова, во-первых, потому что сам так считал, а во-вторых, потому что хотел её утешить. Но когда вспыхнул конфликт, такой маленький ребёнок, конечно, говорит то, что думает.

— Эти слова неправильные? — спросила Глория.

— А как ты думаешь, какие слова приносят тебе больше облегчения? — ответил Сюй Юань вопросом на вопрос.

Глория слегка прикусила губу. Она действительно не понимала, почему должна во всём уступать сёстрам, ей от этого ничуть не легче:

— Но если слова правильные, почему их не признают?

— Возможно, у него своя логика, которую он считает правильной, — тихо сказал Сюй Юань.

Правильное и неправильное изначально не делится на чёрное и белое. Как и его собственные слова — они тоже не все были верны.

— Так же, как он не признаёт, что отец должен заботиться о детях? — сжав пальцы, спросила Глория.

— Ты и это ему сказала? — Сюй Юань перевёл на неё взгляд и с беспомощностью спросил.

Девочка с обидой кивнула:

— Да... разве нельзя?

— Не то чтобы нельзя, просто некоторым людям трудно взглянуть в лицо прямым обвинениям, — задумчиво сказал Сюй Юань. — А потом, от стыда обратившись в гнев... Он ещё что-нибудь тебе говорил?

— Он сказал, что это дети в долгу перед родителями. Может, я слишком многого требую? — тихо спросила Глория.

— Поистине скверно, — с тяжким вздохом тихо произнёс Сюй Юань.

— Что? — Глория немного напряглась.

— Я о твоём отце, — глядя на новые побеги в зарослях, сказал Сюй Юань. — У родителей действительно есть заслуга дарования жизни, но когда ты мала, беспомощна и не можешь вернуть долг, а тебя этим долгом попрекают — это разновидность травли и подавления.

В младенчестве и детстве человек больше всего нуждается в заботе, потому что все бывают малы и беспомощны.

Потому что он знает, что она не может дать отпор, и потому действует без всякой сдержанности.

— Почему? — от этого Глории стало ещё горше.

— Потому что ты можешь только зависеть от него, потому что ты не в силах дать отпор, — тихо сказал Сюй Юань. — Но я не советую тебе рассказывать ему эти слова.

— Да, — Глория уже поняла, каковы будут последствия, если сказать ему это. Ведь он приходит в ярость от того, с чем не согласен, а она не хочет снова встречаться с такой яростью, потому что сердцу очень больно. — Тогда что мне делать?

— Глория, я могу научить тебя временным способам, как с этим справляться, но ты должна запомнить одно, — сказал Сюй Юань.

— Что? — подняв глаза, спросила Глория.

— Если бы твой отец захотел дать тебе достаточно любви и защиты, они не посмели бы тебя обижать, — тихо сказал Сюй Юань. — Он и есть главный виновник всего, что с тобой происходит. Запомни это и ни в коем случае не показывай ему, что думаешь так.

Дыхание Глории на миг замерло, сердце судорожно сжалось. Она хотела сказать «нет», но обнаружила, что не может возразить.

<http://bllate.org/book/18299/2272728>